

Глава 8. Мой спутник на пути дао — Сун Мин

Ху Цяньцю прекрасно знал, что его душа неописуемо прекрасна, и не сомневался: Бай Чжигэ на него попросту зарился. Чтобы не развивать опасную тему, он поспешил сменить предмет разговора.

— Старший брат, уже поздно, нам пора спускаться!

Он наугад выбрал тропинку и зашагал прочь. «Доигрался», — ворчал он про себя. Слова о том, чтобы «отплатить собой», были лишь пустой шуткой — он хотел лишь подразнить этого сухаря Бай Чжигэ, а в итоге сам оказался в тупике. Досада захлестнула его с головой.

«Будь ты проклят, Бай Чжигэ, ты точно на меня глаз положил».

— Ты не туда свернул, — негромко окликнул его Бай Чжигэ, указывая на другую дорогу. — Нам в ту сторону!

Сгорая от неловкости, Ху Цяньцю поплелся следом. Когда навстречу попадались другие ученики, он старательно прикрывал лицо широким рукавом. Больше всего на свете он боялся, что их увидят вместе. Стоит связаться с этим «непобедимым», и пиши пропало.

Он твердо решил: как только они спустятся с горы, он оборвет все связи с Бай Чжигэ. Мсть мстью, но жизнь дороже — не хватало еще, чтобы этот ходячий злой рок его окончательно доконал.

В заднем саду лечебного покоя всю кипела работа: ученики смешивали притирания и варили спасительные пилюли из женьшеня. Твари и демоны в последнее время подозрительно активизировались, и если вспыхнет война, запасов снадобий на всех не хватит.

Ляо Мяожэнь, узнав, что его ищет старший брат, вовсе не горел желанием выходить в передний сад. Он отобрал поднос с травами у Чэнь Юаня, а тот, сверившись со временем, бросил пригоршню сухих стеблей в алхимическую печь.

Глядя на Ляо Мяожэня, который злился еще со вчерашнего утра, Чэнь Юань мягко произнес:

— Старший брат зовет тебя по важному делу. Не позволяй личным обидам мешать общему благу.

— Всё из-за этого паршивца Сун Мина! — огрызнулся Ляо. — Если бы не защита старшего брата, я бы быстро научил его правилам нашей лечебницы.

— Ступай уже! Не заставляй людей ждать.

Воспользовавшись тем, что Чэнь Юань отвернулся, Ляо Мяожэнь быстро чмокнул его в щеку. В ответ он тут же получил чувствительный тычок кулаком в грудь.

В своё время Ляо выбрал Чэнь Юаня в спутники не только за красоту, но и за кроткий, смиренный нрав. Однако после того, как они связали свои судьбы, Чэнь Юань заметно изменился. Впрочем, в обычные дни он оставался всё таким же спокойным — полная противоположность мрачному и порывистому Ляо. Работать с ним бок о бок было истинным удовольствием.

Когда Ляо Мяожэнь вышел в аптекарскую лавку переднего сада, он увидел старшего брата, за которым хвостиком тащился какой-то недотепа. Хотя тот и прятал лицо за рукавом, Ляо мгновенно узнал Сун Мина. Он не знал, каким чудом этот выскочка привел Бай Чжигэ в чувство, но по-прежнему считал его никчемным балластом, который только и умеет, что торговать смазливой мордашкой.

— Ляо Мяожэнь приветствует старшего брата. Каковы будут ваши распоряжения?

Бай Чжигэ выдвинул один из ящичков, доверху набитых лекарствами, достал одну пилюлю и поднес к лицу, вдыхая аромат.

— Снадобья высшего качества. Сразу видно руку личного ученика четвертого боевого дяди.

Он указал на правую полку:

— Подготовь мне два флакона укрепляющих пилюль для внутреннего приема. И выбери двоих лекарей поопытнее да посмелее. Они отправятся со мной вниз, к подножию.

— Разумеется. Старший брат, не желаете ли взять вот это? — Ляо подал знак ученику, и тот поднес флакон с пилюлями Пурпурной Пустоты.

Это было новое средство, недавно разработанное в лечебнице. После приема человек на короткое время обретал невероятную мощь, а его мышцы приходили в пиковый тонус. Платой за это было полное истощение — после окончания действия пилюли требовалось день-два на восстановление.

— Пригодится на крайний случай, — кивнул Бай Чжигэ.

Он бесцеремонно запихнул все лечебные пластыри и флаконы в заплечный узел Ху Цяньцю. Игнорируя его исполненный негодования взгляд, Бай Чжигэ покровительственно похлопал его по плечу:

— Раз уж ты у нас лекарь, тебе и хранить припасы. Младший брат Сун, я в тебя верю!

Ху Цяньцю взвесил на руке потяжелевшую суму. «Бай Чжигэ выпрашивает лекарства, а тащить их должен я?» — кипело в нем возмущение. Говорят, что лев в западне — забава для гиен, а он, великий лис, попал в человеческую школу и терпит издевательства.

Бай Чжигэ повел свой небольшой отряд вниз по отвесной лестнице. Неподалеку располагались конюшни Школы Летящих Бессмертных. Бай Чжигэ вывел своего белоснежного коня и ловко вскочил в седло. Ху Цяньцю же, окинув брезгливым взглядом предложенную ему гнедую кобылу, наотрез отказался садиться. Трое мужчин замерли в ожидании.

Не говоря ни слова, Бай Чжигэ рванул поводья, разворачивая своего коня, перегнувшись через седло и, подхватив Ху Цяньцю за талию, одним рывком забросил его впереди себя. Удар шпорами — и конь, точно подхваченный ветром, помчался вперед.

Ху Цяньцю помрачнел. Терпение лопнуло. Он со всей силы заехал локтем назад, в ребра Бай Чжигэ. Тот лишь глухо крикнул.

— Бай Чжигэ, ты что творишь?!

— Все тебя ждут, а я рассудил, что ездить верхом ты вряд ли умеешь...

— Опять ты меня за ничтожество держишь! — прошипел Ху Цяньцю. — Клянусь, наступит день, и ты узнаешь, на что я способен.

Двое лекарей, следовавших позади, переглянулись и покачали головами. «Вкус у старшего брата, однако, весьма специфический», — читалось в их глазах. Они-то думали, что его спутником станет кто-то вроде ледяного небожителя, ну или, на худой конец, старший ученик третьего дяди — Цюй Фэйи. А он выбрал этого Сун Мина. Видимо, у таких великих мастеров свои представления о прекрасном, простом смертным не чета.

Весь день они провели в пути, но до маленького городка близ Фуаня было еще далеко. Солнце клонилось к закату, и въехать в поселение до темноты они уже не успевали.

— Придется заночевать здесь, — Бай Чжигэ натянул поводья, и конь, всхрапнув, остановился.

Небо окрасилось багрянцем, точно раскаленные угли в печи. Последние лучи окрашивали мир в мягкие оранжевые тона, превращая бескрайние земли в застывшую сказку. Глядя на это безмолвное величие, Ху Цяньцю внезапно затосковал по дому.

Он взобрался на ближайший пригорок, сорвал стебель травы и, сунув его в рот, вольготно растянулся на земле. «Пусть великий первый ученик сам возится с дровами и костром», — решил он.

Бай Чжигэ поднялся следом и сел рядом. Ху Цяньцю, прищурившись, покосился на него,

закинул ногу на ногу и небрежно бросил:

— Я проголодался. Бай Чжигэ, подавай ужин!

Тот молча выудил из мешка черствую лепешку и протянул ему.

— И это всё? — Ху Цяньцю разочарованно фыркнул. «Хочешь сделать хорошо — сделай сам».

Он поднялся, отряхнул одежду от сухих травинок и направился к реке. Сбросив верхнее платье, он одним точным движением нырнул в поток.

Бай Чжигэ наблюдал за ним с берега. Грация, с которой тот ушел под воду, напомнила ему лисицу, охотящуюся в снегу. В памяти снова всплыл тот девятихвостый демон. С самого момента пробуждения Бай Чжигэ не переставал винить себя: если бы он не погнался вслепую, а сначала разобрался в причинах, великий лис был бы жив.

Пока он предавался печали, Ху Цяньцю показался над водой. Не обращая внимания на рыбный запах, он сжимал одну рыбину в зубах, а вторую цепко держал в правой руке. Выбравшись на берег, он тряхнул мокрыми волосами, и в его глазах, похожих на лепестки персика, сверкнул вызов.

— Ну как? — гордо вскинул он голову. — Видал, каков я?

Бай Чжигэ, не задумываясь, протянул руку и потрепал его по мокрой макушке, словно преданного пса. Но Ху Цяньцю в прошлой жизни был лисом, а лисы, как и собаки, — из рода псовых. Он немедленно вцепился зубами в ладонь Бай Чжигэ.

Тот лишь нахмурился, не проронив ни слова. «Сун Мин что, и впрямь из собачьей породы?» — промелькнуло у него в голове.

— Еще раз тронешь мою голову — руку отрублю! — прошипел Ху Цяньцю ледяным тоном.

Бай Чжигэ проводил его взглядом. Посмотрев на ровный ряд следов от зубов на своей руке, он сам подивился тому, почему позволяет этому мальчишке такие вольности.

С наступлением ночи пришло время Ху Цяньцю демонстрировать свои кулинарные таланты. Одну рыбу он зажарил на вертеле, из другой соорудил похлебку, щедро сдобрив всё солью, которую умыкнул с кухни Школы Летящих Бессмертных. Аромат стоял такой, что сухие лепешки казались на этом фоне едой для скота.

Лекари, глядя на костер, то и дело сглатывали слюну.

— Младший брат Сун, ну и мастерство! Наверняка объедение? — заискивающе протянул один из них.

Ху Цяньцю не поскупился: разделил жареную рыбу на двоих и подал им бульон в бамбуковых чашах. Бай Чжигэ же продолжал невозмутимо грызть свою лепешку.

Ху Цяньцю с лукавой улыбкой принялся крутить перед его носом оставшимся куском рыбы.

— Ох, ну и вкуснотища у меня получилась! Жаль только, кое-кто лишен этой радости.

Отблески костра играли на лице Бай Чжигэ, подчеркивая его резкие, точеные черты. Ху Цяньцю засмотрелся на его густые ресницы, как вдруг рыбу у него просто вырвали из рук.

— Кто посмел?! — взвился он.

Из тени деревьев медленно вышла высокая фигура. Молодой человек с пронзительным взглядом и волевым лицом принялся к ароматному свертку в своих руках и с улыбкой протянул его Бай Чжигэ.

— Пользуясь чужими трудами, приношу дары. Старший брат, не будь таким суровым, прими угощение от своего Цюя.

Это был Цюй Фэйи. Бай Чжигэ мягко отстранил руку с рыбой:

— В последнее время я не ем скромного.

Ху Цяньцю бросился отбирать свою добычу:

— Ах ты наглец! А ну верни рыбу!

Цюй Фэйи был на полголовы выше, он просто поднял руку, и Ху Цяньцю, как ни прыгал, не мог дотянуться. Тогда он, недолго думая, со всей силы заехал Цюю по голени. Тот охнул, согнулся и принялся растирать ушибленное место.

— Ха! Будешь знать, как воровать чужое. Я парень простой: если надо — и схитрю.

Не успел Цюй Фэйи опомниться, как Бай Чжигэ перехватил рыбу у него и... вернул её Ху Цяньцю.

— Я знал, что старший брат не даст мне голодать, — просиял Цюй Фэйи, явно приняв жест по своему. Ведь в глазах всей школы именно он считался единственным достойным кандидатом в

спутники Бай Чжигэ.

Ху Цяньцю с досадой пнул бамбуковую чашу, расплескав остатки супа. Его взгляд потемнел от едва скрываемой ярости.

— Ты что себе позволяешь? — холодно бросил он Бай Чжигэ. — Не думай, что раз ты первый ученик, я буду перед тобой пресмыкаться.

— Если ты так боишься остаться голодным, я выловлю для тебя всю рыбу в этом озере и сам зажарю, — спокойно ответил Бай Чжигэ. В его голосе не было ни капли гнева. Он достал лепешку и протянул её Ху Цяньцю.

Тот нехотя принял подношение.

— Мог бы сразу сказать, — буркнул он. Оказалось, тот расплесканный суп предназначался вовсе не ему.

Для Цюя Фэйи в этот миг мир рухнул.

Старший брат, которого он не видел всего несколько дней, словно стал другим человеком. Он проявлял такую заботу о безвестном ученике, которого видел впервые в жизни. Цюй не выдержал, сел рядом с Бай Чжигэ и напрямую спросил о том, что терзало его больше всего:

— Старший брат, ты обдумал мое предложение? О том, чтобы нам стать спутниками на пути дао? Совместное совершенствование принесет плоды нам обоим.

Они ведь были лучшими учениками Школы Летящих Бессмертных. Кому, как не им, делить этот путь?

Ху Цяньцю не желал слушать их внутренние разборки и уже собрался уйти к реке, как голос Бай Чжигэ заставил его замереть на месте:

— Младший брат Сун, ты куда?

— Я... Пойду рыбу тебе ловить, — огрызнулся Ху Цяньцю.

В серебристом свете луны его силуэт на миг слился с образом из того кошмара, когда молнии рвали небо над головой. Бай Чжигэ на секунду показалось, что он снова бредит. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и, вновь открыв их, твердо посмотрел на Сун Мина.

— Не нужно, — он поднялся и, глядя в лицо потрясенному Цюю Фэйи, указал на Ху Цяньцю: —

Ты просил ответа? Вот он. Мой спутник на пути дао — Сун Мин!

У всех присутствующих от этого заявления челюсти едва не коснулись земли.

Ху Цяньцю же подумал, что Бай Чжигэ окончательно сошел с ума. Это потрясение было похлеще удара Меча Сокровенного Грома.

<http://bllate.org/book/17498/1709221>